

Р.Штайнер.

Евангелие от Марка. Цикл из десяти лекций, прочитанных в Базеле с 15 по 24 сентября 1912г.

ПСС №139, Девятая Лекция от 23 сентября 1912 г., Базель

В этих лекциях снова было указано на то, что в будущем произойдет некоторый переворот в отношении людей к Евангелиям. Он произойдет потому, что научатся видеть в Евангелиях глубоко художественное, художественно-композиционное произведение, научатся в верном свете видеть оккультные основы изображенных в Евангелиях мировых исторических импульсов только если будут исходить из художественно-композиционного в Евангелиях. По существу, и в этом отношении Евангельская литература и Евангельское искусство входят во весь исторический ход развития человечества, на что мы в отношении некоторых пунктов и указали в эти дни.

Мы указывали на те одинокие личности в Греции, которые по-настоящему чувствовали в своей душе угасание, постепенное исчезновение древнего ясновидения и взамен этого получали то, из чего должно было выработаться "Я" человека, нынешнее сознание: абстрактная понятийность, абстрактные представления. Мы можем указать еще на нечто другое, а именно, что неким образом как раз в греческой культуре явлено нечто вроде завершения культуры человечества - словно пункт, до которого эта культура человечества дошла, чтобы с другого пункта возгореться дальше. Это есть греческое искусство. Отчего это происходит, что не только во время Возрождения в Европе люди всей душой искали "страну греков", то есть страну красоты, и видели в чудесной выработке человеческой формы идеал человеческого развития, но также и в современное классическое время умы, подобные Гете, всей душой искали эту "страну греков", то есть страну прекрасной формы? Это происходит оттого, что в Греции действительно красота, которая в непосредственном виде гласит во внешней форме, нашла известное завершение, завершение в некоторой высшей точке.

Внутренняя завершенность в форме - это есть то, что встречает нас в греческой красоте, в греческом искусстве. В композиционном решении произведений греческого искусства сразу же безусловно видно то, что должно быть дано посредством этой композиции. Это выступает перед глазами; это полностью находится в чувственном бытии. В том и величие греческого искусства, что оно полностью выступило во внешнем явлении. Можно сказать: искусство Евангелия показывает некое новое начало - начало, которое до сих пор не понято в достаточной мере. Это есть внутренняя композиция, внутреннее переплетение художественных нитей, которые в то же время являются оккультными нитями, - особенно в Евангелиях. Поэтому речь идет о том, о чем мы сказали и что акцентировали вчера: усмотреть везде тот основной момент, который при изложении, в каком-либо эпизоде, принят во внимание.

Именно в Евангелии от Марка выступает не столько в его дословном тексте, сколько во всем тоне изложения то, что можно определить, как главное: здесь Христос представлен как космическое, как одновременно земное и сверхземное явление, а

Мистерия Голгофы - одновременно как земное и сверхземное событие. Но акцентируется еще и нечто другое, и здесь выступает нечто тонко художественное - в особенности к концу Евангелия от Марка. Подчеркнуто: здесь космический Импульс внес Свет в земные обстоятельства. Земным существам, земным людям надо было принести свое понимание навстречу этому Импульсу. Пожалуй, нигде так сильно, как в Евангелии от Марка, не обозначено, что для понимания того Света, который тогда проник из космоса в земное бытие, нужен, в сущности, весь остаток земной эволюции, - что это понимание никак не было возможно в то время, когда непосредственно совершалась Мистерия Голгофы. И факт отсутствия тогда надлежащего понимания, тот факт, что понимание тогда впервые получило первое побуждение, и что оно только мало-помалу сможет взойти в ходе дальнейшего развития человечества, - это как раз в художественно-композиционном строе Евангелия от Марка показано совершенно чудесным образом. Мы проследим это тонкое художественно-композиционное, если спросим, каким могло быть понимание, какого рода понимание могло быть принесено навстречу Мистерии Голгофы в тогдашнее время.

В сущности, тогда было возможно троякое понимание. Оно могло исходить из трех факторов. Во-первых, - от тех, кто были ближайшими избранными учениками Христа Иисуса. Они ведь выступают перед нами везде в Евангелии как те, кого Господь Сам избрал и которым Он многое доверил для высшего понимания бытия. От них мы можем ожидать наивысшего понимания Мистерии Голгофы. Какого же понимания можем мы от них ожидать? Это тонко вкомпоновано в Евангелии от Марка - чем ближе приходим мы к его концу. Что эти избранные ученики могли иметь более высокое понимание, чем руководители ветхозаветного народа, - на это нам очень ясно указано, если мы везде будем искать тот пункт, в котором все дело.

Так вы находите разговор, который Христос Иисус вел с саддукеями (12, 18-27). Этот разговор касается прежде всего бессмертия души. Если принимать Евангелие поверхностно, не легко прийти к пониманию того, почему там есть разговор с саддукеями, этот разговор о бессмертии, а затем странная речь саддукеев, которые говорят: могло бы случиться, что из семи братьев один женился; он умирает, и вдова его переходит в качестве жены ко второму брату, и т.д. - к одному за другим; она была женой всех семи братьев, и после всех умерла и эта женщина. И вот, - не понимали саддукеи, - если есть бессмертие, как должны будут эти семь братьев относиться к этой их жене в духовной жизни. Это есть известное возражение саддукеев, которое приводилось не только во времена Мистерии Голгофы, но и во многих современных книгах как возражение против бессмертия. Это доказывает, что также и ныне в кругах тех, кто пишет такие книги, еще нет полного понимания этой вещи. Зачем же этот разговор? Если мы углубимся в него, то обнаруживается из ответа, который дает Христос Иисус, что все души после смерти становятся небесными существами и что между существами надземного мира не заключаются браки, и не имеет никакого значения, если бы и случилось такое, о чем говорят саддукеи. Такие отношения суть чисто земные и не имеют значения для внеземного, другими словами: Христос Иисус говорит о внеземных условиях, которые привлекаются, когда это нужно для понимания внеземной жизни, значения для внеземного. Но еще другой разговор находим мы, когда все более подходим к концу Евангелия от Марка. Там спрашивают Христа Иисуса о браке (10, 1-12). Происходит

разговор между Христом Иисусом и еврейскими книжниками о том, как это по закону Моисея возможно отпустить жену по разводному письму. Когда Христос отвечает: "Да, этот закон дал вам Моисей, потому что ваши сердца жестки и вам такое установление нужно", - то в чем здесь дело? - Дело в том, что теперь Он обо всем говорит совсем иначе: теперь Он говорит о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной так, как они были до того, как в человеческую эволюцию вошел соблазн через люциферические силы. Это значит, что Он говорит о чем-то космическом, о чем-то сверхземном; Он поворачивает вопрос к сверхземному. Все дело в том, что Христос Иисус разговоры о том, что относится к чувственному бытию, выводит за пределы обыкновенной земной эволюции. Главное в том, что Он уже в этом показывает: Он приносит сверхземные, космические отношения вместе со Своим появлением на Земле и говорит с земными существами об этих космических отношениях.

На кого мы можем надеяться, от кого можем, так сказать, требовать, чтобы речи Христа Иисуса о космических отношениях были лучше всего поняты? - От тех, которых Он избрал как Своих учеников. Итак, мы можем сказать, что первый род понимания мы можем охарактеризовать следующим образом: избранные ученики Христа Иисуса могли бы так понять Мистерию Голгофы, чтобы постичь сверхземное, космическое значение этого всемирно-исторического факта. Этого мы могли ожидать от учеников, которых Он избрал.

Понимание второго рода, которое можно было ожидать, какое могло прийти от руководителей древнееврейского народа, от первосвященников, от верховных судей, от знатоков Писания - словом, от тех, кто знает историческую эволюцию ветхозаветного народа. Что можно было бы от них требовать? Евангелие ясно показывает: с них не спрашивают понимания космических взаимоотношений Христа Иисуса, но от них ожидается понимание того, что Христос Иисус пришел к древнееврейскому народу и вошел Своей индивидуальностью в кровь этого народа, родился в этом народе - что Он есть сын дома Давидова, что Он внутренне связан с сущностью того, что вместе с Давидом вошло в еврейский народ. Этим нам указано на второй род понимания - на это меньшее понимание. Что Христос Иисус имел посланничество, которое означает высшую точку посланничества всего еврейского народа, - это чудесным образом показано ближе к концу Евангелия от Марка, когда все больше и больше указывается на то, что мы имеем дело с Сыном Давида (заметьте, как тонко художественно-композиционно это выступает). В то время как от учеников требуется понимание посланничества космического Героя, - от тех, которые причисляют себя к еврейскому народу, требуется понимание того, что пришло завершение посланничества Давида. Это второе. Еврейский народ должен был понять, что могло прийти и завершение, и новое обретение его собственной миссии. А откуда должен был прийти третий род понимания? И притом еще меньшего? Замечательно, как тонко художественно-композиционно это выступает в Евангелии от Марка. Здесь требуется еще меньшее, и это меньшее требуется от римлян. Прочтите в конце Евангелия от Марка, когда Христос Иисус выдан первосвященникам, что тогда произошло? - Я говорю сейчас только о Евангелии от Марка! Еще первосвященники спрашивают Христа Иисуса - хочет ли Он говорить о "Христе", хочет ли Он признать себя Христом, к чему они смогут придаться, ибо Он будет говорить о Своем космическом посланничестве; или о том, что Он потомок

рода Давидова. Что же предосудительно для Пилата? Только то, что Христос Иисус должен фигурировать как "царь иудеев" (15, 1-15). Евреи должны были понять, что Он представляет Собой вершину их собственного развития. Римляне должны были понять, что Он что-то означает Собой внутри развития еврейского народа - не высшую точку, но нечто, что может быть ролью руководителя. Если бы римляне это поняли, что бы тогда произошло? Ничего другого, кроме того, что и так уже произошло; но они этого не поняли. Мы знаем, что еврейство распространилось, - что оно обходным путем через Александрию распространилось по западному миру. Что теперь пришел всемирноисторический момент для распространения еврейской образованности - понимание этого могли бы проявить римляне. Это все же меньше, чем то, что должны были понять ученые книжники. Римляне должны были понять значение еврейства как части всего мира. То, что они этого не поняли, - а это было задачей того времени, - обозначено тем, что Пилат ничего не понимает в том, что Христос Иисус истолкован как царь иудеев, и он в корне отменяет, как безобидную вещь, что Он представлен как царь иудеев.

Так можно было ожидать тройкого понимания посланничества Христа Иисуса: 1) Понимание избранными учениками, которое они могли иметь о космическом элементе Христа. 2) Понимание, которое должны были иметь евреи о том, что распространяется в самом еврейском народе. 3) Понимание, которое должны были иметь римляне о том, что евреи перестали распространяться в одной только Палестине и что они стали распространяться по большей части Земли.

Это таинственно включено в художественную композицию в особенности Евангелия от Марка. И ответы нам даны по всем трем пунктам совершенно ясные.

Первый вопрос должен быть следующий: "Достигли ли апостолы, избранные ученики, той меры понимания, которая требовалась от них? Распознали ли они Христа Иисуса как космического Духа? Распознали ли они, что среди них был Некто, Кто был не только то, что Он значил как человек между ними, но был окружен аурой, через которую притекали на Землю космические силы и космические законы? Поняли ли они это?"

Что Христос требовал от них этого понимания, ясно указано в Евангелии. Ибо когда два Его ученика, сыны Зеведеевы, пришли и добивались, что Он должен посадить их справа и слева возле Себя, то Он сказал им:

"Вы не знаете, чего домогаетесь. Можете ли вы пить чашу, которую Я пью, или креститься тем Крещением, которым Я крещусь?" (10, 38).

Ученики тогда похвалились, что смогут. То, что Христос Иисус этого от них требует, - ясно обозначено. Что могло тогда произойти? - Двойное. Первое - эти избранные ученики прошли бы вместе с Ним все то, что совершилось как Мистерия Голгофы, что связь между этими учениками и Христом сохранилась бы вплоть до Мистерии Голгофы. Это одно, что могло бы случиться. А что произошло не это, а совсем другое, мы видим со всей отчетливостью, в особенности в Евангелии от Марка. Когда Христос был взят под стражу, разбежались все; и Петр, который хвалился, что его ничто не поколеблет, трижды отрекся от Него прежде, чем дважды прокукарекал петух. Это изображено со стороны апостолов. А как представляется это со стороны Самого Христа?

Перенесемся со всем благоговением - ибо это должно быть так! - в Душу Христа Иисуса, которая до конца пытается сохранить образовавшуюся связь с душами апостолов; перенесемся, насколько это возможно, в Душу Христа для дальнейшего прослеживания хода событий. Тогда эта Душа могла поставить всемирно-исторический вопрос: "Могу ли Я сделать так, чтобы души хотя бы самых избранных учеников поднялись до такой высоты, чтобы они вместе со Мной пережили все то, что должно тут произойти вплоть до Мистерии Голгофы?" Перед этим вопросом стоит Душа Самого Христа. Это - грандиозный момент, когда Петр, Иаков и Иоанн выведены Им на Оливковую гору и Христос Иисус Сам хочет присмотреться - сможет ли Он удержать их, самых избранных? И на пути к Голгофе Он испытывает страх. Да, мои друзья, думает ли кто, или, вернее, смеет ли кто думать, что Христу стало страшно перед смертью, перед Мистерией Голгофы? Что на Оливковой горе у Него выступил кровавый пот из-за приближающегося свершения Мистерии Голгофы? Так думать - значило бы мало понимать Мистерию Голгофы! Может быть, это теологично, но - бессмысленно. Почему скорбит Христос? Он не дрожит перед крестом. Это само собой разумеется. Он содрогается, прежде всего, перед следующим: "Смогут ли те, кого Я взял сюда с Собою, устоять в тот момент, в который должно решиться, - захотят ли они своими душами идти со Мной, захотят ли пережить вместе со Мной все, вплоть до распятия на кресте?" - Останется ли состояние их сознания настолько бодрствующим, что они вместе с Ним переживут все, вплоть до распятия на кресте - вот это должно решиться. Это и есть та "чаша", которая к Нему приближается. И Он оставляет их одних, чтобы они могли остаться "бодрствующими", то есть быть в таком состоянии сознания, в котором они могли бы вместе с Ним пережить то, что Он должен. Тогда Он идет и молится: "Отец, да минует Меня чаша сия; но не Моя воля, но Твоя воля, да свершится!" Это значит: не дай Мне еще испытать, что Я стою совсем один, как Сын Человеческий, но что и другие идут со Мной. И Он возвращается обратно, а они спят. Они не смогли удержать то бодрствующее состояние сознания. И Он снова делает попытку, и они опять не выдерживают. И Он делает это еще раз, и они опять-таки не выдерживают. Тогда стало Ему ясно, что Он стоит один - что они не идут вместе с Ним вплоть до распятия на кресте. Эта чаша не миновала Его. Он был обречен в одиночестве, в душевном одиночестве свершить Свое деяние.

Мир возымел Мистерию Голгофы; но в то время, когда это происходило, люди еще не имели понимания для этого события. Даже самые выдающиеся из них и самые избранные не оказались на такой высоте. - Это о первом роде понимания. Как чудесно художественно это выражено, если за тем, что явлено в Евангелиях, суметь почувствовать реальные оккультные "кулисы"!

Теперь зададим вопрос о втором роде понимания. - Спросим, как руководители евреев поняли Того, Кто из рода Давидова должен был выступить как лучший цвет древнееврейской эволюции? Одно из первых мест, где нам указано, какое понимание приносил еврейский народ навстречу Тому, кто происходил из дома Давидова, находим мы в 10-й главе Евангелия от Марка. Это момент решающего значения, когда Христос приближается к Иерусалиму и должен был быть узан древнееврейским народом как Тот, Кто примыкает к дому Давида.

"И пришли они в Иерихон, и когда Он вышел из Иерихона с учениками и многими сопровождающими, сидел сын Тимея Вартимей, слепой, как нищий у дороги.

И когда он услышал, что это Иисус из Назарета, начал он восклицать: "Иисус, Ты - Сын Давидов, сжался надо мной!"

И многие бранили его, чтобы он замолчал. А он кричал еще громче: "Сын Давидов, сжался надо мной!" (10, 46-48).

Выразительно передан здесь этот крик слепого: ... "Ты, Сын Давидов", - значит только он пришел к пониманию "Сына Давидова".

"И Иисус остановился и сказал: "Позовите его сюда". И они позвали слепого и сказали ему: "Мужайся, встань. Он зовет тебя!" Тот же сбросил свой плащ, вскочил и подошел к Иисусу.

И Иисус сказал ему: "Чего ты хочешь от Меня?" Слепой же сказал Ему: "Раввунни, чтобы я прозрел!"

И Иисус сказал ему: "Иди, твоя вера помогла тебе". И он тотчас стал зрячим и последовал за ним по дороге". (10,49-52).

Это значит, что Он требовал только веры. Не стоит ли задуматься почему среди других рассказов есть это исцеление слепого? Почему оно стоит особняком? Из композиционного строя Евангелия люди должны были бы чему-то научиться. Дело вовсе не в этом исцелении, а в том, что из всех людей только один этот слепой из всех сил взывал: "Иисус, Ты - Сын Давидов!" Видящие не распознали Его. Слепой, который физически не видит, узнает Его. Так что здесь показано, как слепы другие, и этот человек сперва должен был ослепнуть, чтобы Его узреть. В слепоте, а не в исцелении здесь дело. И этим одновременно показано, как мало понимали Христа.

В ходе дальнейшего вы можете везде найти, как Он говорит о том, что Космическое вживается в человечески индивидуальное; как Он фактически говорит о Космическом, когда Он (и это опять-таки важно, что это композиционно дано в связи с тем моментом, когда Христос должен явиться как "Сын Давидов") говорит о бессмертии: что Бог - есть Бог живых, а не мертвых; что Бог есть Бог Авраама, Исаака и Иакова (12,26-7), ибо Авраам, Исаак и Иаков, каждый из них живет в следую щем, продолжает жить в других формах, потому что Бог живет в их индивидуальности. Но еще сильнее это обозначено там, когда Он описывает человека - то, что в нем дремлет и должно быть пробуждено. Сказано, что речь идет не просто о физическом Сыне Давидовом, ибо сам Давид говорит о нем как о "Господе", а не как о физическом "сыне" (12,35-37). О "Господе" в индивидуальности человека, о том, Кто должен произойти из рода Давидова, говорится везде, когда влияние космического Христа идет на убыль.

На одно место надо особенно указать (ищите его в Евангелии от Марка ближе к концу) - на место, которое легко не заметить при чтении без понимания, но которое потрясающе действует на душу, если его понимать. Это там, где Христос предан светской власти, должен быть осужден, и подыскивают основания, чтобы Его осудить. Этому предшествовало описание того, что Он сделал в храме, где изгнал менял и опрокинул их столы, где Он, проповедуя, должен был сказать совсем особенные слова, берущие за душу. За это ничего Ему не было. И Он теперь выразительно обращает на это внимание: "Все это вы слышали, а теперь, когда Я стою перед вами, вы ищете ложных обвинений против Меня, взяли Меня под стражу

по навету предателя, как человека, совершившего тяжкое преступление. А тогда вы ничего не сделали, когда Я стоял среди вас в храме". - Потрясающее место! Потому что нас приводят к пониманию того, что на самом деле Христос везде действует так, что ничего против него сделать нельзя. Почему же? Он действительно поступает так, что, в не допускающем сомнений смысле, указывает на то, какой великий поворотный момент наступил в ходе мировой эволюции, когда говорит: "Первые станут последними, а последние - первыми" (9, 35). Учения, которые Он бросает им, должны быть ужасны с точки зрения вероучения и понимания Ветхого Завета - и ничего не происходит тогда. После этого Его во мраке ночи берут под стражу при помощи предателя, и получается впечатление, что при этом аресте происходит какая-то потасовка. Это потрясающее место:

"Но предатель дал им знак и сказал: "Кого я поцелую, Тот и есть; схватите Его и ведите под надежной охраной".

И когда пришел, тотчас подошел к Нему и говорит: "Равви, Равви," и поцеловал Его.

Они же наложили руки на Него и взяли Его.

Но один из стоявших тут извлек меч и напал на служителя первосвященника и отсек ему ухо.

И Иисус сказал им: "Словно на разбойника вышли вы, с мечами и копьями, чтобы взять Меня под стражу. Каждый день бывал Я при вас в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания" (14,44-49).

Что же, собственно, тогда произошло, что они Его не брали под стражу, а потом искали оснований для того, чтобы схватить, словно разбойника? Можно понять то, что тогда произошло, только если рассмотреть эти вещи в их оккультной глубине. Я уже указывал на то, что в Евангелии от Марка оккультные факты, спиритуальные факты, и чисто физические факты перемешаны в изложении событий. И нам ясно указывается, что Христос в Своих действиях не был ограничен только личностью Иисуса из Назарета, но что Он воздействовал на учеников, выходя из физического тела, как это было на озере, куда Он к ним пришел. Так Он мог, находясь вне Своего физического тела, в то время, когда оно находилось, может быть, там или здесь, все, что Он делал, все, что Он излучал как Импульс, как Дух, вкладывать в души учеников. И особенно вразумительно нам указано в Евангелии от Марка на то, как люди воспринимали то, что Он в состоянии выхода из себя, находясь вне Своего физического тела, проповедовал и учил. Это живет в душах. Души не понимают этого, но они в это вживаются: это есть земное и сверхземное в индивидуальности Христа и в людской массе.

Христос повсюду связан с широко распростертой действенной Аурой. Эта Аура действовала там благодаря тому, что Он был душевно связан с людьми, которых Он избрал, и она была с Ним до тех пор, пока Он был с ними связан. Чаша не миновала Его. Избранные люди не обнаружили никакого понимания. Тогда стала постепенно отходить эта Аура от человека "Иисуса из Назарета" и все более чуждыми становились друг другу Христос и Сын Человеческий, Иисус из Назарета. Все более одиноким был Иисус к концу жизни, и все слабее был связан с ним Христос. Все слабее.

Этот Космический Элемент до того момента, который изображен в Гефсиманской сцене как "кровавый пот", был как Христос полностью связан с Иисусом из Назарета, а теперь, вследствие непонимания людей, связь становится слабой. И в то время как раньше, когда Космический Христос действовал в Храме и изгонял торговцев, проповедовал самые сокрушительные учения, и ничего не случилось с Христом Иисусом, теперь гонители могли подступить к Иисусу из Назарета, поскольку Он оставался только в слабой связи с Христом. Мы видим, что Космическое еще присутствует, но Оно всё меньше и меньше связано с Сыном Человеческим. Вот что делает этот момент таким потрясающим. А так как троякого рода понимание не было достигнуто - что возымели, в конце концов, люди? Что могли они взять под стражу? Что судить? Что распять, пригвоздить к Кресту? - Сына Человеческого! И чем больше они это делали, тем больше отходил Космический Элемент, Который раньше как некий юный Импульс входил в земную жизнь. Он удалялся. И тем, кто произносил приговор и чинил судопроизводство, остался только Сын Человеческий, которого лишь осеняло то, что должно было прийти как юный Космический Элемент.

Ни одно Евангелие, кроме Евангелия от Марка, не говорит о том, что теперь оставался только Сын Человеческий, а Космический Элемент его лишь осенял. Поэтому мы ни в каком другом Евангелии в отношении Христова свершения как Космического факта не видим так четко выраженным то, что в тот самый момент, когда люди в своем непонимании по-людски хватают "Сына Человеческого", - что тогда Космический Элемент от них ускользает. Юный Космический Элемент, который с этого поворота времен был введен как Импульс в земную эволюцию, он ускользнул. Взяли Сына Человеческого. Это отчетливо показано в Евангелии от Марка. Прочтем еще раз это место в Евангелии от Марка и поищем, подчеркивает ли Марк, как именно тут показан Космический Элемент в его отношении к человеческому:

"И Иисус сказал им: "Словно на разбойника вышли вы с мечами и копьями, чтобы взять Меня под стражу.

Каждый день бывал Я при вас в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания".

И они все оставили Его и обратились в бегство"(14, 48-50).

Он стоит один. А что же с тем юным Космическим Элементом? - Представьте себе это одиночество человека, который был пронизан космическим Христом, а теперь стоит перед гонителями, словно разыскиваемый разбойник. А те, которые должны были бы понять Его, бежали. "И они все оставили Его и обратились в бегство" - гласит 50-й стих. А затем, в 51-м и 52-м стихе Евангелия от Марка, сказано:

"И некий юноша, следовавший за Ним, был в тонком льняном одеянии по нагому телу; и они схватили Его.

Но он, оставив льняное одеяние, бежал нагой".

Кто этот юноша? Кто убежал? Кто это, кто появляется возле Иисуса Христа почти не одетый и затем совсем не одетый исчезает? Это - юный Космический Импульс, это Христос, который ускользнул и который теперь имеет только слабую связь с Сыном

Человеческим. Очень много заключено в этих 51 и 52 стихах. В нем, в этом новом Импульсе, не было ничего, за что могла бы ухватиться старая эпоха. Он - совершенно нагой, этот новый Космический Импульс земной эволюции. Он пребывает при Иисусе из Назарета. И мы опять находим Его. Ибо 16-я глава Евангелия от Марка начинается так:

"По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария, дочь Иакова, и Соломея купили благовония, чтобы пойти туда и помазать Его.

И ранним утром в первый день недели пришли они к гробнице при восходе солнца.

И говорили они между собой: кто отвалит нам каменную плиту от входа в гробницу?

И взглянувши, увидели они, что каменная плита отвалена, а она была весьма велика.

И когда они вошли в гробницу, то увидели некоего юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую мантию, и они ужаснулись.

Он же сказал им: "Не ужасайтесь. Вы ищете Иисуса Назарянина, распятого, - Он воскрес!" (16, 1-6).

Это есть тот же самый юноша. Нигде больше в художественной композиции Евангелий не встречается этот юноша, который ускользнул от людей в тот момент, когда они влекут на суд Сына Человеческого, и который снова появляется, когда прошли три дня, и который с тех пор действует как Космический Принцип Земли. Нигде больше в Евангелиях (сравните их друг с другом) не показывается этот юноша, кроме этих двух мест в Евангелии от Марка, где он выступает перед нами таким грандиозным образом. Тут заключено все то, в чем нуждаемся, чтобы понять, в каком глубоком смысле именно Евангелие от Марка подразумевает, что мы имеем дело с космическим событием, с космическим Христом. Только теперь мы впервые понимаем, каковой должна быть и в остальном художественная композиция Евангелия от Марка.

Знаменательно, что после того, как столь многозначительное событие, это двукратное появление юноши выступило перед нами, Евангелие от Марка быстро заканчивается и содержит, только немногие примечательные формулировки. Также и это становится нам понятным, если мы скажем: едва ли можно помыслить, чтобы последовало еще возрастание, может быть, пожалуй, возрастание возвышенного и торжественного, но не потрясающего для земной эволюции - после того, как в эту композицию Евангелия от Марка были включены: монолог Бога, космическая надземная беседа "на горе", к которой были призваны три ученика, не понявшие ее; Гефсимания, сцена на Оливковой горе, где Христос должен признаться, что избранные им ученики не могут обрести понимания для предстоящего; и Ему доводится идти одному туда, где Сын Человеческий пострадает и будет распят; затем всемирно-историческое одиночество Сына Человеческого, который покинут теми, которых Он избрал, - покинут постепенно и Космическим Принципом. Мы после того, как поняли миссию и значение "юноши", который ускользает от взоров и рук людей, совсем особенно глубоким образом понимаем слова: "Бог Мой, Бог Мой, почему Ты Меня оставил?" (15, 34). Затем новое появление "юноши". Затем указано в Евангелии от Марка, что этот "юноша" есть Духовное, сверхчувственное Существо, и только по особым обстоятельствам тогдашнего времени был чувственно видим и

впервые показался Марии Магдалине. А "потом являлся двоим из них, находившимся в пути, - явился в другом облике, когда они шли по полю" (16, 12). Физическое существо не могло бы явиться в другом облике.

А затем изложение Евангелия от Марка быстро идет к концу, указывая на будущее в отношении того, что тогда не могло быть понято, ибо человечеству, которое тогда пришло к глубочайшему пункту своего нисхождения, должно было быть указано на будущее, - и это указание на будущее так подготовлено, что мы можем вполне оценить художественно-композиционное в нем. Что же можем мы представить себе, что как некое указание на будущее, исходит от Того, Кто узрел это троякого рода непонимание в то время, когда Он должен был осуществить Мистерию Голгофы? Мы можем себе представить, что Он указывает на то, что люди в ходе будущих времен все более и более должны будут приобретать понимание произошедшего тогда.

Мы приносим только верное понимание этого. Благодаря отчетливо говорящему Евангелию от Марка мы можем в своем познании происходивших событий сказать: каждая следующая эпоха может все больше приближаться в понимании к тому, что было Мистерией Голгофы. И поэтому мы верим, что нашим антропософским движением, мы действительно осуществляем нечто такое, на что прежде всего указано в Евангелии: принести новое понимание навстречу тому, что хотел совершить в мире Христос. Но что оно трудно - это новое понимание, - что всегда существует возможность неверно понять Существо Христа, - на это указал еще Он Сам:

"И, если вам скажут затем: вот здесь - Христос, или - вот там, - не верьте этому.

Выступят лжехристы и лжепророки и будут давать знамения и чудеса, чтобы соблазнить, если удастся, то и избранных.

Вы же смотрите - вот Я наперед предсказал вам все это" (13,21-23).

Во все времена, в столетиях после события Голгофы, было достаточно случаев сделать эти слова для себя предупреждением. Кто имеет уши, чтобы слышать, тот и сегодня может услышать, как нам с Голгофы звучат слова: "Если потом когда-либо вам кто-нибудь скажет: вот здесь - Христос, или вот там, - не верьте этому. Ибо выступят лжехристы и лжепророки и будут давать знамения и чудеса, чтобы по возможности ввести в заблуждение также и избранных".

Как должны мы поставить себя по отношению к Мистерии Голгофы? Среди немногочисленных выразительных стихов, которые содержатся еще в Евангелии от Марка, после того, как оно столь потрясающим образом гласило нам, имеется еще один, самый последний стих, где сказано об учениках после того, как они через "юношу", через космического Христа, получили новый импульс - в то время как раньше обнаружили так мало понимания: "Они же отправились в путь и проповедовали везде, причем, Господь содействовал им и подкреплял их слова сопутствующими знамениями" (16,20).

Господь содействовал! Так исповедуют в смысле Мистерии Голгофы. Не то, чтобы Господь мог быть воплощен где-нибудь в физическом теле; но там, где Его понимали, там действовал Он из сверхчувственного мира, когда действовали во имя Его, - не надмеваясь представлять Его физически, - и Он тогда духовно был между

теми, кто Его имя понимал истинно. Верно понятое Евангелие от Марка говорит о самой Мистерии Голгофы таким образом, что мы при его верном понимании находим возможность обрести настоящее исполнение Мистерии Голгофы. Как раз в том, что содержит только Евангелие от Марка, в том знаменательном рассказе об этом "юноше", который в решающий момент отделяется от Христа Иисуса, мы видим также указание на то, как должно пониматься Евангелие. Когда они, избранные, бежали, то они не сопереживали все го, что затем произошло и о чем рассказано также и в Евангелии от Марка. В середину его композиции вставлен опять-таки чисто художественно один отрывок с описанием - таким ясным, как едва что-либо другое - того, при чем ученики не присутствовали и чего ни один из них не был очевидцем. И, тем не менее, все рассказано! Перед нами встает этот вопрос, и мы попытаемся при ответе на этот вопрос проникнуть дальше и тогда пролить свет также и на другое.

Откуда происходит то другое, чего ученики сами не видели? Еврейские предания рассказывают об этом совсем иначе, чем это рассказано в Евангелиях. Откуда происходят сведения - когда говорят и в отношении правды о Мистерии Голгофы те, которые при этом не были, - откуда происходят сведения о том, чего никто не видел и не мог видеть из тех, кто стоял на стороне распространения христианства?

Этот вопрос введет нас еще глубже в предмет наших рассматриваний.